

наконецъ, совсѣмъ исчезъ. Осталась только рѣзкая черная полоса стрѣлки, остро и неподвижно показывавшая вверхъ.

Семень Ивановичъ очнулся.

За стѣной уже не плакалъ ребенокъ, а слышался страшный визгъ и крикъ, переходящій въ неистовый ревъ.

Передъ Семеномъ Ивановичемъ стояла фельдшерница и трясла его за плечо, съ удивленіемъ глядя на пузырькъ, который онъ держалъ въ скатыхъ пальцахъ.

— Что вы, Семень Ивановичъ? съ испугомъ спрашивала фельдшерница.

— А, что? какъ проснувшійся спросилъ онъ.

— Идите... родите... отвѣтила она, недовѣрчиво разсматривая его блѣдное, измученное лицо.— Да что съ вами?

— Со мной? Ничего... удивленно отвѣтилъ Семень Ивановичъ, тяжело подымаясь со стула и ставя пузырькъ на столъ.

Въ головѣ у него шумѣло, въ ушахъ звенѣло, все вокругъ качалось и плыло куда-то, и порой ему казалось, что передъ нимъ стоитъ не фельдшерница Александра Ивановна, а часовая стрѣлка, длинная и насмѣшливая.

— Пойдемте,—родать... повторила Александра Ивановна.

Семень Ивановичъ послушно пошелъ за нею.

Въ палатѣ, гдѣ лежала больная, было душно и жарко, пахло мокрыми тряпками и лѣкарствами.

Семень Ивановичъ съ любопытствомъ нагнулся къ больной. На него глянули два воспаленные глаза, страдающіе и робкіе.

— Помираю... услышалъ онъ слабый голосъ.

— Да полно тебѣ,—не помрешь! досадливо сказала Александра Ивановна.

— Смерть моя... помру непременно... покачала головой больная.

Семень Ивановичъ, еще не совсѣмъ очнувшійся, съ дикимъ любопытствомъ смотрѣлъ въ глаза больной женщины.

— А тебѣ хочется жить? спросилъ онъ вдругъ.

Александра Ивановна съ испугомъ на него поглядѣла.

— Докторъ... голубчикъ... прошептала больная:—помогите, дайте чего-нибудь!.. боюсь — помру...

Семень Ивановичъ все шире и шире раскрывалъ глаза.

— Ради Христа... спасите!.. только бы жить... мнѣ... стонала женщина:—помру я...

— Врешь, не помрешь! съ какимъ-то восторгомъ вскрикнулъ Семень Ивановичъ.

И эту фразу онъ повторялъ время отъ времени, пока въ теченіе шести часовъ больная была между жизнью и смертью. Онъ возился безъ устали, самъ таскалъ больную въ ванну, обливался потомъ, бѣгалъ за лѣкарствами, растиралъ.

— Врешь, не умрешь! бормоталъ онъ.

Эта публичная женщина, измученная, потевшая образъ и подобіе, оплеванное и забытое существо, своей страстной жаждой жизни во что бы то ни стало и какой бы то ни было, пробудила въ немъ теплое, жалостливое, странное для него самого чувство, отражаясь въ тайникахъ его души, измученной тяжкими думами ночи.

Семень Ивановичъ не думалъ уже ни о чемъ, кромѣ того, что смерть ужасна, противна, и старался только о томъ, чтобы вырвать у нея слабую жизнь.

Когда онъ вернулся въ кабинетъ, измученный физически, но здоровый и радостный душой отъ сознанія одержанной побѣды, было уже утро. На дворѣ улеглась метель и въ комнатахъ было почти свѣтло. Стрѣлки часовъ давно прошли полночь и безильно висѣли визгъ, не имѣя въ себѣ ничего фатальнаго. Стрѣлки, какъ стрѣлки!

Пузырекъ стоялъ еще на столѣ, но свѣтъ дробился на немъ и его синія поверхность весело блистала.

Семень Ивановичъ облегченно вздохнулъ и полными жизни, радостными глазами повелъ вокругъ, пожимая усталыми плечами.

На глаза ему попались щипцы, скелетъ и пузырькъ съ синильной кислотой.

И вдругъ на него нашло желаніе подурчиться, разсмѣяться, запѣть. Онъ взялъ щипцы и пузырькъ, подошелъ къ скелету и вложилъ пузырькъ ему въ челюсти, а щипцами осѣдлалъ шейные позвонки.

Вошла Александра Ивановна, взглянула на скелетъ и улыбнулась.

— Съ новымъ годомъ, Семень Ивановичъ! сказала она.

— Съ новымъ счастьемъ!.. отвѣтилъ Семень Ивановичъ и крѣпко пожалъ ей руку.

И забывъ о ночныхъ думахъ, ему было весело и пріятно высказать это пожеланіе.

— Ну, счастье—не счастье, а вотъ выспаться можно, такъ это и до счастья недалеко! улыбнулась Александра Ивановна.

Вошелъ старый Сидоровъ.

— Съ новымъ годомъ, вашбродіе! сказалъ онъ.

— Съ новымъ счастьемъ! отвѣтилъ и ему Семень Ивановичъ.

— Оно точно... выспаться таперича... добродушно сообразилъ Сидоровъ.

Что-то скучное мелькнуло въ головѣ Семена Ивановича, но сейчасъ же и исчезло, потому что сонъ сморилъ его.

Онъ еще разъ улыбаясь посмотрѣлъ на скелетъ, который глухо грызъ пузырькъ, и легъ на диванъ.

На дворѣ былъ день, ночь прошла.

М. Арцыбашевъ.

Скоро ль день моей работы,
Скоро ль день труда?
Нѣтъ его!—и я дремоты
Тайной полнѣ всегда.
Я качаюсь, упавая
Въ высь и въ глубину...

И не знаю я, не зная
Въ бурю ль, въ тишину?
И не знаю, гдѣ я?.. что я?..
Что теперь со мной—
Буря ль, полная покоя,
Бурный ли покой?

К. Фофановъ.

Изъ писемъ и бумагъ Л. Н. Толстого.

Вы спрашиваете: для чего жить, какъ жить и что дѣлать, чтобы имѣть право на жизнь? Прежде всего надо переставить вопросы и прежде отвѣчать на вопросъ: какъ жить, а потомъ уже постараться познать—для чего? Жить надо. Прежде всякаго разсужденія мы жили и живемъ: каждыя сутки спимъ, нѣсколько разъ ѣдимъ, движемся, мыслимъ. Мы все, какъ лошадь на топчакѣ, колесо котораго вертится подъ нами и заставляетъ насъ двигаться, не можемъ не жить, и потому первый и главный вопросъ въ томъ, какъ жить? Отвѣтъ первый мы все знаемъ, и вы знаете: *какъ можно лучше*. Такъ все люди жили, т. е. стремясь къ этому, такъ живутъ и такъ будутъ жить.

Второй вопросъ: что значить лучше? Въ чемъ лучше? Отвѣтъ для человѣка, знающаго только себя, ясенъ: какъ можно больше наслажденій. Но какъ только человѣкъ понялъ, что онъ не одинъ, почувствовалъ страданія другихъ людей, такъ первый отвѣтъ уже не удовлетворяетъ, является противорѣчье личныхъ стремленій къ наслажденію и совѣсти. Вотъ въ этомъ противорѣчьи вы и находитесь. И чтобы разрѣшить его, надо отдаться одной изъ этихъ двухъ силъ: стремленію къ благо личному, или—совѣсти, и отдаться совершенно, безъ исключенія и отговорокъ и компромиссовъ. Отдаться же стремленію къ личному счастью или совѣсти не значитъ то, чтобы заглушить въ себѣ голосъ совѣсти или личнаго счастья, но значитъ то, чтобы въ сознаніи своемъ признать *жизнью, истинной жизнью*, только одно изъ двухъ. Страданія, сомнѣнія происходятъ отъ нерѣшенности вопроса въ сознаніи. Если бы было то, что ваши требованія правды не суть требованія вашей совѣсти, а навѣянное вамъ извнѣ, то, отрекшись отъ совѣсти, вы успокоитесь и будете жить и наслаждаться, пока можете. Разумѣется, это кончится страданіемъ; я знаю это. Но вы не можете повѣрить этому на слово, если требованія совѣсти въ васъ еще не проснулись пока. Но они должны проснуться, потому что движеніе всего человечества идетъ

отъ стремленія къ личному благу, къ требованіямъ совѣсти. (И все это я говорю только какъ очень невѣроятную возможность). Если же совѣсть проснулась въ васъ, то признайте разъ навсегда, что жизнь только въ удовлетвореніи требованій этой совѣсти, и тогда вы опять будете спокойны, и жизнь получить для васъ смыслъ. Потому что, что такое совѣсть? Совѣсть есть тотъ высшій законъ всего живущаго, который каждый сознаетъ въ себѣ не только признаніемъ правъ этого всего живущаго, но любовью къ нему. Требованія совѣсти суть то, что на христіанскомъ языкѣ называется волею Бога, и потому смыслъ жизни и отвѣтъ на оба вопроса: *для чего жить и какъ дѣлать, чтобы имѣть право жить*,—состоятъ въ томъ, чтобы исполнять волю Бога, сознаваемую нами въ нашей совѣсти. Къ чему приведетъ васъ это? Я не знаю, но знаю, что ясное сознаніе этого измѣнитъ всю вашу внѣшнюю жизнь и приведетъ къ тому, что дастъ вашей жизни постоянный, все болѣе и болѣе уясняющійся, радостный и разумный смыслъ. Если же вамъ не ясно, чего требуетъ совѣсть, то отвѣтъ на это дастъ Евангеліе.

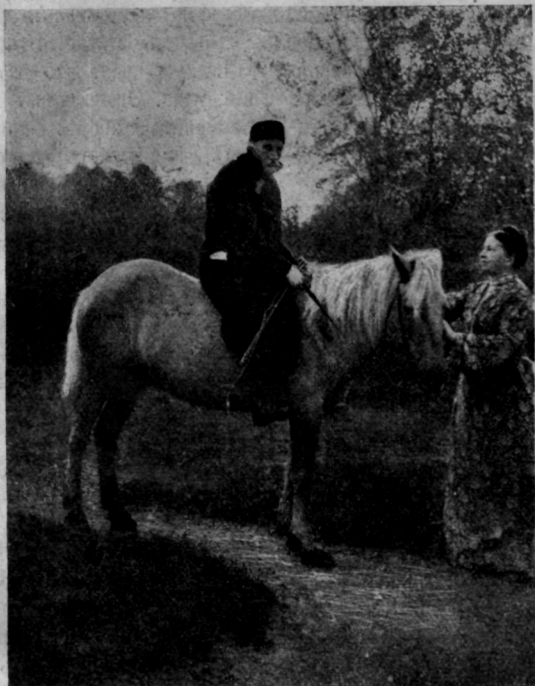

Я послѣднее время часто думалъ объ одномъ давно извѣстномъ соображеніи, но которое съ особенной живостью мнѣ приходитъ все это время въ голову и бодритъ меня; а именно: если выразить только однимъ наипростейшимъ и яснѣйшимъ предложеніемъ смыслъ, сущность, цѣль жизни, то я для себя ее выражаю такъ, какъ сказано у Іоанна VI, 38 и въ особенности 39: возрастить въ себѣ, довести до высшей возможной степени божественности ту искру, то разумѣніе, которое дано, поручено мнѣ, какъ дитя нянькѣ. Это опредѣленіе смысла жизни шире всѣхъ другихъ, включаетъ все другія.

Что же нужно для того, чтобы исполнить это, возрастить это дитя? Не нѣга, а трудъ, борьба, лишенія, страданія, униженія, гоненія,

то самое, что сказано много разъ въ Евангеліи. И вотъ это самое, то, что нужно намъ, и посылается намъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и въ малыхъ и въ большихъ размѣрахъ. Только бы мы умѣли принять это какъ слѣдуетъ, какъ нужную намъ, а потому радостную

жизнь эта удовлетворяла нашимъ нравственнымъ требованіямъ; но вотъ являются новыя обстоятельства, заявляющія новыя нравственныя требованія: давайте же постараемся отвѣтить наилучшимъ образомъ на эти требованія. Эти обстоятельства не случайность, ко-

Графъ Л. Н. и графиня С. А. Толстые.

Съ портрета, снятаго въ день сорокалѣтія ихъ свадьбы, 23 сентября 1902 г.
(1862—1902).

работу, а не какъ нѣчто досадное, нарушающее нашу столь хорошо устроенную жизнь.

Обыкновенно дѣлается такая ошибка. Говорятъ: „Вотъ обстоятельства, которыя нарушаютъ или грозятъ нарушить нашу хорошую жизнь; надо какъ-нибудь поскорѣе обойти, превозмочь эти обстоятельства съ тѣмъ, чтобы продолжать свою хорошую жизнь“. Въ дѣйствительности же надо смотреть на дѣло совершенно обратно: „Вотъ была жизнь, которую мы установили съ большою внутреннею борьбой и трудами, и

торую можно устранить, но требованія новыхъ формъ жизни, въ которыхъ я долженъ испытать себя и къ которымъ долженъ приготовить себя, какъ я готовилъ себя къ предшествующей формѣ жизни.

✱ ✱

Жизнь человѣческая, страдальческая, всякую секунду могущая быть оборванной, для того, чтобы не быть самой грубой насмѣшкой, должна имѣть смыслъ такой, при которомъ значеніе

жизни не нарушалось бы продолжительностью или кратковременностью.

* * *

То ли ты дѣлалъ, что тебѣ нужно дѣлать,—получаетъ огромную важность, потому что единственный смыслъ жизни твоей только въ томъ, то ли ты дѣлаешь въ этотъ короткий данный тебѣ срокъ жизни, чего хочешь отъ тебя Тотъ, Кто послалъ тебя въ жизнь?

То ли ты дѣлаешь?

* * *

Цѣль жизни есть проникновеніе всѣхъ ея явленій любовью,—есть медленное, постепенное претвореніе злой жизни въ добрую,—есть творчество истинной жизни (потому что истинная жизнь есть только жизнь любовная), есть рожденіе истинной, т. е. любовной жизни.

* * *

Какъ слѣдить атлетъ за увеличеніемъ мускуловъ, такъ слѣди за увеличеніемъ любви или хоть, по крайней мѣрѣ, за уменьшеніемъ злобы и лжи,—и будетъ полная радостная жизнь.

Я хочу сказать вамъ то, что я опытомъ извѣдалъ; чѣмъ руководствоваться въ сложныхъ случаяхъ, въ тѣснотѣ жизни, когда попадешь въ нее и чувствуешь, что одинъ, только одинъ есть путь и что будетъ все дурно, если не попадешь на него. Я вотъ что думаю:

Волю Отца, въ чемъ она состоитъ, что Ему нужно, зачѣмъ Онъ все сдѣлалъ и дѣлаетъ (если такъ по старой привычкѣ и для образности выразиться), какая цѣль вашей и моей жизни,—этого не дано намъ знать, и, когда мы воображаемъ, что знаемъ цѣль Отца, мы путаемся самымъ жестокомъ образомъ. Знать мы Его цѣли не можемъ уже потому, что она безконечна.

Но мы знаемъ и можемъ всегда знать, дѣлаемъ ли мы Его волю,—то, зачѣмъ мы живемъ, то, чего Онъ отъ насъ хочетъ. Онъ какъ на вожжахъ держитъ насъ, и мы, какъ лошадь, не знаемъ, куда придемъ, зачѣмъ; но знаемъ по боли, когда идемъ не туда, куда надобно, и по свободѣ, отсутствію стѣсненія, что идемъ, куда надо. И потому опытомъ и всѣмъ существомъ узнаемъ, что первый, главный и единственный (потому что остальные включены въ него) признакъ исполненія воли Божіей это то, что намъ легко, не больно, даже радостно. Онъ этого хотѣлъ, любя насъ, и мы знаемъ, что это нужно.

Второй признакъ, но въ зависимости отъ перваго, это то, чтобы другимъ было не больно, чтобы моя дѣятельность не вызвала стона страданія. Вотъ тутъ-то и задача: одно какъ будто исключаетъ другое. Но „какъ будто“. Когда это кажется, это признакъ только того, что

жизнь совершается въ тѣснотѣ, что безразличной ширины пути мало, что истинный путь тѣсенъ, какъ остріе пожа, но онъ есть. Чувствуя чужія страданія какъ свои, что вы и дѣлаете, можно и должно найти тотъ путь, при которомъ будетъ легко. И это будетъ тогда, когда я сдѣлалъ все, зависящее отъ меня, для облегченія страданій другихъ. Есть, есть этотъ путь, милый другъ! Молиться надо, т. е. общаться съ Богомъ, и путь этотъ находится. И чѣмъ труднѣе его отыскиваніе, тѣмъ онъ радостнѣе. Да, человѣкъ долженъ быть свободенъ и всемогущъ, и есть это одно направленіе, по которому онъ свободенъ и всемогущъ, и можно найти его.

Но есть и третій признакъ, который я нашла для себя. Это не уменьшеніе, а увеличеніе души. Этотъ признакъ дорогъ тѣмъ, что онъ повѣряетъ выборъ. Если поступокъ, родъ жизни, путь, принижаетъ и умаляетъ душу, это—не тотъ. Не то, чтобы можно было этотъ признакъ принять за руководство,—помилуй Богъ!—но все силы употребить на отыскиваніе пути между страданіями другихъ отъ меня—и стѣсненіемъ, испытываемымъ мною, и, намѣтивъ себѣ этотъ путь, можно провѣрить справедливость его этимъ признакомъ.

Жизнь въ исполненіи воли Бога. Въ чемъ эта воля Бога?

Все, что мы можемъ себѣ поставить цѣлю, какъ воля Бога,—все недостаточно, неполно, все только признакъ, но не самая воля Бога. Такъ же, какъ одинъ частный работникъ не можетъ понять всего дѣла предпринимателя. (Какъ ни жалко, мелко это сравненіе воли Бога, т. е. всего, съ волей предпринимателя, но оно именно этой несообразностью тѣмъ болѣе показываетъ невозможность человѣку понять волю Бога). Есть и для насъ признакъ того, что мы дѣлаемъ волю Бога, но самую волю Бога никогда не узнаемъ. По всѣмъ этимъ признакамъ мы можемъ узнавать то, что мы дѣлаемъ волю Его; то же, въ чемъ именно состоитъ Его воля, всегда останется для насъ тайною.

И такъ и должно быть. Не могло бы быть жизни, жизни вѣчной, если бы цѣль, къ которой мы стремимся, была понятная намъ,—слѣдовательно, конечная. Признаки же того, что живемъ мы по Его волѣ, а не противъ нея, даны намъ самые несомнѣнные, какъ для лошади, которую вожжи пускаютъ идти только въ одномъ направленіи.

Самый первый, главный, несомнѣнный признакъ, которымъ мы такъ склонны пренебрегать,—это отсутствіе ощущенія духовнаго страданія, (какъ у лошади отсутствіе ощущенія боли отъ удиль). Если испытываешь полную свободу, ничѣмъ ненарушимую, то живешь по волѣ Божьей.

Другой признакъ, повѣряющій первый, это ненарушеніе любви съ людьми. Если не чувствуешь враждебности ни къ кому и знаешь, что

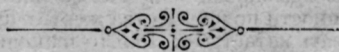
къ тебѣ не чувствуютъ зла, — ты въ волѣ Бога.

Третій признакъ, опять повѣряющій первый и повѣряемый ими, есть ростъ духовный. Если чувствуешь, что дѣлаешься духовнѣе, побѣждаешь животное, — ты въ волѣ Бога.

Мы знаемъ, вѣрно знаемъ, когда мы живемъ по волѣ Бога. Но не знаемъ мы самую волю Бога, и намъ надо помнить, надо знать, что мы не знаемъ и не можемъ знать ее, а не выставять себѣ цѣли внѣшнія, отождествляя ихъ съ волей Божьей, какъ бы ни высоки казались намъ эти цѣли, какъ, напр., поученіе людей въ истинахъ вѣры, установленіе на дѣлѣ Царства Божьяго на землѣ, указаніе примѣра жизни по-Божьи и многое другое.

Лошадь вѣрно знаетъ, что она идетъ по волѣ хозяина, когда вожжи не дергаютъ ее; но она не знаетъ воли хозяина, и горе ей, если она вообразить, что знаетъ эту волю. Хозяинъ воротитъ загрязшую кобылу съ шоссе въ грязь, заставляя ее войти въ грязный, тѣсный отъ другихъ лошадей дворъ. Кобылѣ кажется ясно, что воля хозяина въ томъ, чтобы везти тяжесть по шоссе, и она везетъ ее; сворачиваніе же въ грязь двора и общеніе съ другими лошадьми, — этого не можетъ хотѣть хозяинъ, по сужденію кобылы, и кобыла, упирается, и жалуется, и страдаетъ. Она не знаетъ, что хозяинъ сворачиваетъ на дворъ и затѣмъ, чтобы сложить тяжесть на другихъ лошадей, и затѣмъ, чтобы покормить лошадь, потому что онъ жалѣетъ ее, ожидая отъ нея приплода.

Такъ и я сколько разъ упирался, жаловался на судьбу, на тѣ вожжи, которые вели меня туда, куда вели, и страдалъ. А все оттого, что я себѣ представлялъ извѣстное осуществленіе въ мірѣ воли Божьей.

* *

Когда звѣздою путеводной
Тебѣ чуть Истина блеснетъ,
Съ душою смѣлой и свободной
Спѣши, куда она зоветъ!

О, знай, мой братъ, нѣтъ выше доли
Ее искать и ей служить,
Съ ея могучей, вѣчной волей
Всю жизнь свою стараться слить!

Что всѣ гоненья, всѣ угрозы,
Всѣ тернии ея пути,
И оскорбленій тяжкихъ слезы
Для тѣхъ, кому ее найти

Чалось сквозь долгій мракъ исканій,
Сквозь боль тоски о ней одной,

И ищу ближайшихъ послѣдствій и огорчаюсь,
что не вижу ихъ; а не знаю тѣхъ послѣдствій,
въ миллионъ разъ большихъ, которыя достигаются этими обходами.

* *

Вотъ чѣмъ надо быть, какъ говоритъ Лаодзе, — какъ вода. Нѣтъ препятствій, — она течетъ; плотина, — она остановится; прорвется плотина, — она снова потечетъ; въ четырехугольномъ сосудѣ она четверугольная; въ кругломъ — она круглая. Оттого-то она нужнѣй всего и сильнѣе всего.

* *

Надо быть по отношенію воли Бога, какъ добрая, породистая кобылка, которую я выѣзжалъ: она не вырваться хотѣла, не перестать служить, а только хотѣла догадаться, чего, какой работы я хочу отъ нея. Она пробовала то съ той, то со второй, то съ третьей ноги, то вправо, то влѣво, то голову внизъ, то вверхъ.

Такъ и намъ надо.

* *

Для меня ученіе Христа болѣе всего стало понятно, болѣе всего завладѣло мной, когда я ясно понималъ, что жизнь моя — не моя, а Того, Кто далъ ее, и что цѣль жизни не во мнѣ, а въ Его волѣ, и надо узнать и дѣлать ее. Это перевернуло меня.

* *

Богъ далъ намъ духъ свой, любовь, разумъ, чтобы служить Ему; а мы этотъ духъ употребляемъ на служеніе себѣ, употребляемъ топоръ на то, чтобы строгать топориче.

2329

Сквозь мглу паденій и страданій
Души, сомнѣніемъ больной!

Что жизнь безъ Истины? Ничто,
Тѣнь жизни, жалкое томленье,
Одинъ намекъ на бытіе,
Слѣпцовъ пустое сновидѣнье.

Лишь тотъ живетъ, чей умъ горитъ
Безсонной жаждой правды Божьей
И, отыскавъ ее, спѣшитъ
Порвать съ своей и общей ложью.

Лишь тотъ живетъ, кто жизнь кротовъ
Смѣнилъ на солнца блескъ, на вѣчно
Ростущій свѣтъ... Тюрьму рабовъ
На міръ свободы безконечной.

И. Горбуновъ-Посадовъ.

Мартиникская катастрофа и ея вѣроятныя причины

Текущій годъ ознаменованъ тремя грозными катастрофами. 31-го января погибъ отъ землетрясенія городъ Шемаха; 8 мая уничтоженъ вулканическимъ взрывомъ цвѣтущій городъ С.-Пьеръ на о. Мартиникѣ, со всѣмъ населеніемъ, достигавшимъ 30 тысячъ; 3 декабря совершенно разрушенъ землетрясеніемъ городъ Андижанъ, съ окружающими селеніями (въ Туркестанскомъ краѣ). Съ разныхъ концовъ міра получаютъ извѣстія объ усиленіи дѣятельности вулкановъ, одно за другимъ происходятъ гибельныя землетрясенія. Пробуждаются подземныя силы. И при видѣ многотысячныхъ жертвъ чувствуется ничтожное бесиліе человѣка.

Хотя по числу погибшихъ и по силѣ взрыва изверженіе мартиникскаго вулкана Монъ-Пеле (Лысой горы) уступаетъ нѣкоторымъ замѣчательнымъ катастрофамъ, каковы, напр., Лиссабонское землетрясеніе 1755 г., погубившее не менѣе 30.000 человѣкъ; изверженіе Кракатау въ 1883 г., уничтожившее болѣе 40 тысячъ жителей, и другія, — но впечатлѣніе, произведенное имъ на весь образованный міръ, было безпримѣрно удручающимъ. Предъ нами рѣдкій случай гибели культурнаго города. Наука оказалась безсильной. При своихъ колоссальныхъ успѣхахъ, она не даетъ никакихъ положительныхъ указаній, на основаніи которыхъ можно было бы предугадать катастрофу. Правда, опытъ прежнихъ лѣтъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ зловѣщихъ признаковъ, предшествующихъ изверженіямъ. Иногда вода въ колодцахъ убываетъ и даже исчезаетъ. Появляются новые источники. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣняется составъ подземныхъ и наземныхъ водъ. Иногда море отступаетъ отъ береговъ. Очень часто почва нагрѣвается до значительной температуры, а въ области высокихъ горъ происходитъ таеніе снѣга. Вся кому изверженію за нѣсколько мѣсяцевъ предшествуетъ сильное землетрясеніе. Обыкновенно говорятъ, что по всей совокупности подобныхъ признаковъ легко предсказать катастрофу; но въ огромномъ большинствѣ случаевъ зловѣщія предзнаменованія обращаютъ на себя вниманіе только послѣ того, какъ бѣдствіе уже разразится. Конечно, значительная доля вины падаетъ здѣсь на безпечность жителей, которые всегда неохотно расстаются съ насыщеннымъ мѣстомъ; но нельзя забывать, что даже такой глубокой знатокъ Везувія, какъ итальянскій ученый Пальміери, наблюдавшій за нимъ въ теченіе всей своей жизни, отпирившись въ Неаполѣ какъ разъ наканунѣ довольно сильнаго изверженія, будучи вполне увѣренъ, что въ предстоящую ночь не произойдетъ ничего замѣчательнаго. Прошло всего только нѣсколько часовъ послѣ того, какъ ученый стражъ Везувія покинулъ свой постъ, и вдругъ вулканъ далъ трещину и выбросилъ огромныя массы паровъ и лавы.

Катастрофа на Мартиникѣ тоже, можно сказать, не была неожиданностью. Правда, вулканъ бездѣйствовалъ уже съ 1792 года, если не считать слабой попытки изверженія, наблюдавшейся въ 1851 году. Онъ находился все вре-

мя въ стадіи такъ называемой сольфатары, т. е. выдѣлялъ газы и пары *). Дѣятельность его видимо клонилась къ полному угасанію. Но въ первыхъ числахъ апрѣля обнаружили зловѣщіе признаки. 3-го апрѣля надъ вершиною Лысой горы появился столбъ чернаго густого пепла. Послышался подземный гулъ, ощущались сотрясенія почвы. Не подождало сомнѣнію, что вулканъ вступилъ въ новую стадію своей дѣятельности. Вслѣдъ за тѣмъ многіе рѣки и ручьи измѣнили свое теченіе, а нѣкоторые превратились въ грязевые потоки. Животныя обнаруживали крайнее безпокойство: собаки выли, змѣи ушли изъ своихъ норъ, птицы перестали пѣть и покинули окрестности вулкана. Но люди оставались глухи къ этимъ явленіямъ. Черезъ нѣсколько дней пепелъ достигалъ уже г. С.-Пьера и тонкимъ слоемъ покрывалъ крыши домовъ. 23-го произошелъ сильный взрывъ. Вулканъ сталъ въ большомъ количествѣ изрыгать камни и пепелъ. 2-го мая грязевой потокъ уничтожилъ сахарный заводъ. Были уже человѣческія жертвы. Губернаторъ организовалъ изъ мѣстныхъ ученыхъ комиссію, возложивъ на нее обязанность опредѣлить вѣроятную степень опасности, которой подвергался городъ. Выводы получились утѣшительные, и не далѣе, какъ 6-го мая, по приказанію губернатора были расклеены успокоительныя объявленія. Въ нихъ между прочимъ сообщалось, что 1) кратеръ вулкана широко раскрытъ и выходъ парамъ и газамъ вполне обезпеченъ. Нѣтъ основанія опасаться землетрясенія или изверженія лавы. 2) Относительное расположеніе кратеровъ и долинъ оставляетъ городъ внѣ опасности: потоки грязи и лавы, если они пойдутъ, должны направиться къ морю. Но прошелъ еще день, и городъ С.-Пьеръ былъ уничтоженъ раскаленнымъ ураганомъ газовъ и паровъ. Какъ показываютъ остановившіеся башенные часы, катастрофа разразилась въ 7 час. 50 мин. утра 8-го мая. Смерть большинства жертвъ произошла отъ ожоговъ и удушья. Раны напоминали ожоги, получаемые при взрывахъ рудничнаго газа. Жидкая лава не появлялась въ городѣ. Выброшенная вверхъ токомъ газовъ, она была раздроблена, разбита и низвергалась на городъ тучами пепла и песка. Ожоги, очевидно, произведены калеными газами и каленой горячею золой. Впрочемъ, нѣкоторые видятъ причину смерти въ электрическихъ разрядахъ, происходившихъ между облаками и водяными парами.

Дѣятельность вулкана не ограничилась однимъ взрывомъ. 20-го мая тѣ же явленія повторились, хотя и съ менѣею силою. Было уничтожено все, что еще успѣло уплѣсть. 9-го іюня произошелъ третій чрезвычайно сильный взрывъ. Въ настоящее время весь островъ на протяженіи болѣе 20 верстъ засыпанъ продуктами изверженія: камнями, пескомъ и пепломъ. Повидимому изверженіе еще не вполне закончилось, и въ будущемъ можно ожидать новыхъ взрывовъ вулкана.

Не въ нашихъ силахъ предотвратить и даже предусмотрѣть подобныя бѣдствія, по естественности, при видѣ человѣческихъ жертвъ, от-

*) Типичный представитель этого рода вулкановъ Сольфатара въ Флегрейскихъ поляхъ близъ Неаполя. Отсюда и произошло нарицательное назва-

ніе „сольфатара“, относящееся ко всѣмъ вулканамъ, находящимся въ той же стадіи дѣятельности.